

В клубе «Только стихия, только поэзия»

20 февраля 2013 года.

Собрались в 400 раз!!!

Конечно отметили!!!



Виктор Мирочник помянул тех поэтов, день памяти которых в этот день



ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ Василий Иванович [5 августа 1898, Москва - 20 февраля 1949, Москва], русский поэт. Один из создателей советской массовой песни

Талант

Где он служит, кем он служит, —
Неизвестно никому,
Но везде обед и ужин
Предложить спешат ему.
Для него всегда готовы

Потерять билет в кино,
И его любое слово
Пьют, смакуя, как вино.
При его тупых остротах
Все смеются через край,
Для него — повсюду отдых.
Для него — повсюду рай.
Жёны, девушки и дети
Смотрят только на него,
Точно нет нигде на свете
Интересней никого.
— Кто же он? Герой? Писатель?
Путешественник? Актёр?
Музыкант? Изобретатель?
Тенор? Кинорежиссёр?
Мне ответили на это:
Он... ну, как бы вам сказать...
Он — никто... но как-то, где-то
Всё умеет доставать!

1943



Тряпкин Николай Иванович (19 декабря 1918, деревня Саблино Старицкой волости Тверской губернии - 20 февраля 1999, Москва), русский поэт. Сочетание фольклорной, песенной традиции, проповеднического пафоса и современной иронии, обращение к нравственному идеалу в лирических сборниках: «Распевы» (1958), «Перекрестки» (1962), «Заповедь» (1976), «Стихотворения» (1983), «Огненные ясли» (1985), «Излуки» (1987). Государственная премия Российской Федерации (1992).

А жизнь прошла. Закончены ристанья.
Исправим печь. И встретим холода.

И только смутный гул воспоминанья
Проходит вдруг по жилам иногда.
Он пронесется там, как в шахтах воды,
Промчится гул — и снова забытье.
И перед древним сумраком природы
Горит свеча — окошечко мое.

И ещё рассказал о поэте Юрии Левитанском



«Сердце поэта» Владимир Островский
"Судьба сочинила пьесу, а мы в ней сыграли".
Юрий Левитанский.

Известный советский поэт Юрий Давидович Левитанский родился 21 января 1922 года в небольшом городе Козелец недалеко от Киева. Умер – 25 января 1996 года в Москве. Я давно хотел написать о нём и... не решался. Тому есть причина – Юрий Левитанский является моим родственником: он племянник моей бабушки (в девичестве – Левитанской) и, естественно, двоюродный брат моей мамы. Именно в силу «родственных связей» писать о нём сложно, хотя, с другой стороны, родственников не выбирают... По семейным преданиям я знаю, что мой прадедущка Исаак Левитанский работал управляющим на одном из заводов крупного сахарозаводчика Дзюбенко в Козельце. Семья была обеспеченная, хотя жена не работала, а в семье было 13 детей, среди них Мария (моя бабушка) и Давид (её младший брат, отец будущего поэта). Видимо, ещё со времён прадедущки в семье не придавалось особого влияния национальному еврейскому воспитанию. Моя бабушка знала разговорный идиш и говорила на нём с дедушкой, а её младший брат Давид – отец будущего поэта – не разговаривал. Вот как вспоминал впоследствии Юрий Левитанский об этом: «Папа знал всего несколько слов на идиш, мама не знала почти ничего, а я тем более». В семье превалировал дух

интернационализма. В этом плане Левитанского можно сравнить с такими поэтами – евреями, как Борис Пастернак, Наум Коржавин, Давид Самойлов, Иосиф Бродский, Александр Галич, которыми гордятся и русская, и еврейская культуры. Все они страстно любили Израиль и, если судьба давала им счастье побывать там, искренне выражали свою любовь к родине своих предков. Православный еврей А. Галич так выразил свои чувства:

"Видишь – на этих дюнах, под этим небом,
наша – давным давно – началась судьба.
С пылью дорог изгнания и с горьким хлебом,
впрочем, за это тоже: Тогда раба!"

В последний год жизни Юрий Левитанский побывал в Израиле. Вот его мысли, навеянные этой поездкой: «Сейчас я начинаю интересоваться иудаизмом и вдруг обнаруживаю, что ко многим его истинам я пришёл самостоятельно. И эта поездка для меня, конечно, не просто поездка за границу: я надеюсь, что она поможет мне кое-что понять в самом себе». Какие мысли и чувства родились у поэта в Израиле? Это осталось тайной. Вскоре он ушёл из жизни. Судьба сочинила для моего дяди сложную пьесу. Окончив школу в 1939 году, он уехал в Москву и поступил в ИФЛИ (Институт философии, литературы и истории), где учился до начала войны. В 1941 году добровольцем ушёл на фронт и попал в заснеженные и политые солдатской кровью подмосковные поля, где был вторым номером в пулемётном расчёте (первый – поэт Семён Гудзенко). Война надолго стала главной темой его поэзии:

"Но что с того, что я там был,
в том грозном быть или не быть.
Я это всё почти забыл.
Я это всё хочу забыть.
Я не участвую в войне –
она участвует во мне.
И отблеск Вечного огня
дрожит на скулах у меня".

Войну он начинал рядовым солдатом около Москвы, а закончил лейтенантом, военным корреспондентом в Будапеште в 1945 году. Это была его первая война, затем последовала вторая – японская: он прошагал не только «пол – Европы», но и маньчжурские степи. Левитанский награждён орденами Красной Звезды и Отечественной войны; медалями : «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За взятие

Будапешта», «За победу над Германией», «За победу над Японией», двумя медалями Монголии. Печататься начал в 1943 году во фронтовых газетах. Первые 3 книги стихов вышли в Иркутске (1948 г.; 1949 г.; 1951 г.) и, конечно, главной их темой была война:

"Уже меня не исключить
из этих лет, из той войны.
Уже меня не излечить
от той зимы, от тех снегов.
И с той землёй, и с той зимой
уже меня не разлучить...".

В 50-х годах он писал о трагизме войны и первых послевоенных лет:

"Среди того дыма
и того огня
я и не заметил,
как убили меня.
Не шлёпнули в застенке,
не зарыли во рву – вот я и думал,
будто живу...".



Тамара Сологуб-Кримонт прочла свои стихи:

ЕСЛИ

Если кто тебя и любит,
хоть живём – ну, как во сне!
Если кто тебя и любит
здесь, в неправдашной стране,
здесь, на маленьком кусочке

зачарованной земли,
здесь – на родинке, на точке
(Тёрли, терли – не свели),
здесь, на клинышке прибрежном,
где, по множеству примет,
для людей – в заклатье нежном –
в клин сошелся белый свет...
Если кто тебя и любит
здесь, куда нас занесло,
если кто тебя и любит
без претензий и без слов,
в этом пёстром совмещеньи
лиц, одежд и языков,
в этом яростном теченьи
дней, годов, эпох, веков,
здесь – в пустынях, где садочки –
в бочках! Ну а мы... на бочке,
где, понятно, динамит...
Ну, не бахнул! Ну, дымит...
если любит кто тебя,
кто и любит, как не – я!?

В ПАРКЕ

Экзотические тропы:
что ни пальма – индивид.
А под пальмами – Европа
местечковая сидит.
Бриллиантики на ушках,
шляпки, белый пух волос,
трубки, трости и подушки,
и пятнистых лысин лоск
Керамические зубки,
блузки – хрусткий крепдешин,
кашемировые юбки,
и беседы. Для души.
Здесь кримпленовые платья
и костюмный коверкот
то подпишут пакт согласия,
то – пожизненный бойкот.
По текущему моменту
Каждодневный вечный спор
от претензий к президенту
до «правительству – позор!»
Всееврейские секреты
здесь с пристрастьем выдают:
хумус, рыбные котлеты,
оменташен?* – Ла бриют!**

И еще одна примета,
неизменная в веках:
просим, нет ли, – а советы
нам дадут наверняка.
Сквозь румынский, польский, русский,
украинский и французский,
итальянский и английский,
сквозь молдавский и грузинский,
сквозь литовский и латышский
мощной музыкой звучит
местный солнечный иврит.
Но и он не перекроет
в душах сладостный мотив,
тот, наследственный по крови,
что в судьбе – необратим.
На ковчеге, данном Богом,
от войны спасенный, он
плыл, веселый, мудрый, строгий
и целительный, как сон.
На Востоке, от потопа
отыскав себе приют,
дети мачехи Европы
здесь свой идиш берегут.

* Оменташен? – (иврит) Уши Аммана – печенье к
празднику Пурим.

** Ла бриют! (иврит) – На здоровье.

ТАМАРА СОЛОГУБ – КРИМОНТ на этой встрече
рассказала о документальном отрывке под названием
«МИНЬЯН»:

Книга «ВЫЖИТЬ И РАССКАЗАТЬ» **Хаима Крутицкого**
вышла в Израиле на русском языке. Сегодня Журнал
«Судьбы Холокоста», исполнителем редактором
которого я являюсь, публикует некоторые главы из
этой книги.

(Часть вторая. Путь моих страданий в тюрьме Двинска)

МИНЬЯН

***В это летнее утро, 29 июня (воскресенье) группа
беженцев ночевала в семье крестьянина - латыша.
Хозяйка накормила всех завтраком, а потом сообщили,
что немцы уже захватили весь район, включая
Даугавпилс. Всюду расклеены указы новой власти.
«...указ предписывал всем взрослым евреям, от 16 до
60 лет...собраться на городской рыночной площади 29
июня в воскресенье, в 12 часов дня. Неподчинение***

приказу карается смертью. Выбора не было. Мы должны покинуть этих замечательных людей и идти на рыночную площадь. В дорогу хозяева снабдили нас солидным сухим пайком.....

Прибыв на рыночную площадь...мы увидели, что вся она запружена евреями- конца края не видно - мужчинами и женщинами, некоторые с младенцами на руках, со стариками и старухами.... Вдруг услышали шум и хриплые голоса. Это были немецкие солдаты, одетые в зеленую форму с пришитыми к ней металлическими табличками, на которых написано: «С нами Бог»

Чтобы не нарваться на побои и издевательства этих дикарей –нацистов Хаим прощается с матерью и спешит перейти, куда велят немцы.

«Примерно час, показавшийся вечностью, нас быстрым бегом прогоняли, как стадо животных, по центральным улицам Даугавпилса. Улицы были огорожены колючей проволокой. Мы все время спотыкались об эту проволоку, падали, поднимались, снова падали... После чего ...нас загнали на огромный тюремный двор, располагавшийся в низине...Подняв глаза на дорогу, мы с ужасом обнаружили, что на ней, над нашими головами находится довольно большая группа немцев, вооруженных ручными и станковыми пулеметами.

Вдруг перед нашими глазами возник высокого роста немецкий офицер, который начал ругать и поносить еврейский народ. Вместе с потоком проклятий он бросил, что нам осталось жить всего несколько минут – время на последнюю молитву, - после чего все, как один, будут расстреляны. Душераздирающие рыдания, плач, стоны раздавались во дворе в течение этих минут: наши братья -евреи прощались с жизнью! Нам казалось, что эти три минуты длятся вечно. А в эти минуты немцы начали стрелять в воздух, чтоб запугать нас еще больше!

По прошествии этих ужасных минут офицер - изверг снова обратился к нам со следующими диким предложением:

- Если среди вас найдется миньян* из 10 евреев, готовых к тому, чтобы их расстреляли, остальные останутся в живых!

**Миньян (ивр. מִנְיָן) счёт, подсчёт число. В иудаизме - кворум*

из 10 человек взрослых мужчин, старше 13 лет, необходимый

для общего богослужения и для ряда религиозных церемоний.

И вдруг из толпы евреев поднялся один – высоченный, худой, с желтоватой бородкой, обрамлявшей лицо (позже мы узнали, что он был городским судьей) – с поднятыми вверх руками. Тот час вслед за ним поднялось множество рук – все эти евреи были готовы идти на расстрел для того, чтобы их братья остались в живых!



Константин Баскович прочёл свои стихи:

цикл «посвящение» опус 10

каждый первый камень
просит осмысленья,
брошенный – забвенья,
вдавленный в песок – унынья...
нужно сжать его руками,
и построить зданье,
с тысячью таких камней,
без раздумья...
но когда идёт работа
нужно сочетанье,
двух камней и трёх камней,
и всех вообще камней...
их соотношенье – это
главное заданье...
на часов смотри теченье...
и помни обо мне...

цикл «вариант алхимии» опус 3

страх, что закончились слова,
какой-то близкий,
и жизнь похожая сперва
на каплю виски...
нет, не на то, что стало с ней,
прошедшей удерж,
как жук навозный скоробей,
чьим солнцем будешь,
потом, похожая на плеск,
волны избитость...
с багровой надписью the best,
на диске с битлз...
и только к боли тонкий мост,
и страх паденья...
и строки вставшие на пост.
Стеречь виденья.



Яков Меренбах прочёл стихи из «Бат-Ямбы» №5

Олег ГОНЧАРЕНКО

* * *

Ты мне не нужна... Говорить о забытом не стоит! Я
душу свою опалил у далёких ветров.
Не стоит опять из банального делать святое:
Из пепла разлук не воскреснет былая любовь.

Ты мне не нужна. Я смертельно устал от обманов. Я
всё позабыл, пережил, переждал, перенёс.
Я всё позабыл! Только тонкие пряди тумана
Мне пахнут, как и прежде, весной твоих русых волос.
Ты мне не нужна. Я привык одиночество мыкать. И
водка - не яд... И тоска - не такой уж и зверь... Ты мне
не нужна! Но заходится сердце от крика. Ты мне не
нужна! Но, пожалуйста, в это не верь.

Аркадий МИЛЬГРОМ

ЕВРЕЙ-ДВОРНИК

Когда-то юдофобы при Хрущёве
С иронией, скорей наоборот,
Распространяли наглый и дешёвый
О дворнике-еврее анекдот. Генсек был, безусловно,
всем доволен.
Кричал: «Рабочий обворовывают класс.
Пусть едут на село работать в поле,
В Биробиджан, метлой вооружась!»
В Союзе кто-то мерзко скалил зубы.
Еврейям было вовсе не смешно.
В Израиле хоть и метут покуда,
Но в собственном жилище всё равно.
Мети, еврей, не унывай, быть может,
Израиль станет как никак другим:
Намного лучше – чище и моложе,
Благодаря стараниям твоим.